

КНИГИ

МАРГАРЕТ ДЖОРДЖ,

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ

«АЗБУКА-АТТИКУС»

ДНЕВНИКИ КЛЕОПАТРЫ

ВОСХОЖДЕНИЕ ЦАРИЦЫ

•

ЦАРИЦА ПОВЕРЖЕННАЯ

НЕРОН

РОДОВОЕ ПРОКЛЯТИЕ

•

БЛЕСК НАКАНУНЕ ТЬМЫ

ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ

•

ГЕНРИХ VIII И ШЕСТЬ ЕГО ЖЕН:

АВТОБИОГРАФИЯ ГЕНРИХА VIII

С КОММЕНТАРИЯМИ ЕГО ШУТА

УИЛЛА СОМЕРСА

•

ЕЛИЗАВЕТА I

МАРГАРЕТ ДЖОРДЖ

ЕЛИЗАВЕТА I

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д 42

Margaret George
ELIZABETH I
Copyright © 2011 by Margaret George
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Тетериной
Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-25738-2

© И. А. Тетерина, перевод, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Кранмер

С ней расцветет добро, и будет каждый
В тени своих садов и без боязни
Вкушать плоды того, что он посеял,
И петь своим соседям гимны мира,
И Господа все истинно познают.
Она научит подданных своих
Всем подлинным понятиям о чести,
Чтоб в них — не в знатности — обрести величье.

.....
На благо Англии ей предстоит
Жить много лет, но будет каждый день
Из тысяч дней увенчан добрым делом.
Не знать бы больше мне! Но умереть
Ей должно, в сонм святых вступая девой.
Чистейшей лилией сойдет она
В могилу, и весь мир ее оплачет.

Король Генрих

О лорд-архиепископ,
Ты мне вернул достоинство мужчины!
До этого счастливого младенца
Не создал я на свете ничего.
Так радостно мне это предсказанье,
Что и с небес хотел бы видеть я
Деянья дочери, хваля Творца¹.

¹ У. Шекспир. Генрих VIII. Перевод В. Томашевского. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Феличе Перетти, известный также как папа Сикст V, стоял, покачиваясь, перед грудой свернутых булл.

Свитки были аккуратно сложены на манер поленицы, так что длинные и короткие стороны чередовались, а свинцовые печати на шелковых шнурах свисали, точно ряд щенячьих хвостиков.

— Ага, — произнес папа, с удовлетворением глядя на них.

Они, казалось, излучали власть. Недоставало лишь одного — его благословения. Он вскинул правую руку и торжественным тоном произнес на латыни:

— О Господь Вседержитель, услышь молитву раба твоего Сикста. Действуя в соответствии с должностью наместника Христова на земле, обладающего властью воспрещать и разрешать, отпускать грехи и отказывать в их отпущении, я провозгласил суждение свое над этой гнусной англичанкой, самозваной королевой. Сим отлучается она от Тела Христова до тех пор, пока не покается. Дабы находящиеся под ее властью не были низвергнуты вместе с ней в пучину проклятия, мы благословляем поход на Англию. На борту кораблей Великой армады поплывут сии буллы об отлучении Елизаветы, самозваной королевы Англии, объявляющие о ее низложении, дабы подданные были избавлены от ее нечестивого и порочного правления. Они увидят свет того счастливого дня, когда нога христианских мстителей ступит на английскую землю. Тогда они будут розданы истинно верующим. Господь милосердный, мы взываем этого во имя Спасителя и ради Святой Церкви.

Шестидесятывосьмилетний папа медленно обошел груды свитков кругом, осеняя их крестом и кропя святой водой. Затем кивнул испанскому посланнику, который молча стоял в сторонке.

— Теперь вы можете доставить их по назначению, — сказал он. — Армада отплывает из Лиссабона?

— Да, ваше святейшество. В следующем месяце.

— Тогда они должны прибыть загодя, — кивнул Сикст. — У вас имеются для них водонепроницаемые капсулы?

— Уверен, что они будут. Король Филипп всегда предусмотрителен.

2

Южное побережье, Англия, апрель 1588 года

Старый отшельник выбрался из своего укрытия, как делал это каждое утро.

Ночевал он в развалинах церкви Святого Михаила, притулившейся неподалеку от оконечности мыса, который вдавался в воды залива Плимут-Саунд. Остановившись на краю утеса, он устремил взгляд на простирившуюся далеко внизу, справа и слева океанскую гладь. Утреннее солнце, отражавшееся от поверхности воды, било в глаза. Он заслонил их ладонью и сощурился, пытаясь различить на горизонте характерные очертания парусов. Ничего. Не сегодня.

Что-то пробормотав себе под нос, старик отправился заниматься другим своим делом — сооружением маяка. На конце мыса он нашел заброшенный дольмен, древний монумент, и на протяжении многих дней усердно стаскивал к нему хворост, солому и щепки. Огонь, который запыхает в обрамлении конического нагромождения камней, должно быть видно за много миль, до следующего маяка. А этот наверняка самый первый в цепочке. Именно тут, а не где-нибудь еще должна показаться армада. А он, отшельник из церкви Святого Михаила, станет неусыпно ожидать ее появления, покуда будет оставаться хотя бы самый бледный намек на свет.

Он похлопал по дольмену ладонью. Языческое наследие. Дело рук давным-давно исчезнувшего народа. Но какая разница, если он поможет победить испанских недругов?

3

Лондонский Тауэр, май 1588 года

Филипп Говард знаком велел священнику умолкнуть.

К ним кто-то приближался. Должно быть, тюремщик обходил коридоры. Эти шаги по каменным плитам пола преследовали Филиппа даже во сне. Он наклонил голову, пристроил ее между колен

и безвольно уронил руки. Тюремщик не должен усомниться в том, что он спит. Священник, закутавшись в плащ, последовал его примеру. Все остальные, затихнув, замерли.

Шаги остановились перед дверью камеры; створка, закрывавшая зарешеченное окошечко, приподнялась. Потом вновь с лязгом опустилась, и шаги двинулись дальше.

Филипп на всякий случай не шевелился еще несколько минут.

— Ушел, — наконец прошептал он. — Следующий обход часа через два или три. Давайте начинать. С Богом!

Все остальные зашевелились. Священник опустил капюшон.

— Во имя Святой Матери Церкви, — произнес он, — я буду служить эту мессу.

— Ее должно посвятить иной цели, — покачал головой Филипп. — Я не был предателем, пока они не вознамерились выставить меня таковым. Теперь, просидев в Тауэре пять лет, я своими глазами увидел всю гнусность королевы и ее так называемой церкви. Она должна исчезнуть. Они обе должны исчезнуть. И мой крестный отец, король Филипп, позаботится об этом.

Глаза священника блеснули в тусклом свете.

— И чему же тогда следует посвятить эту мессу? — спросил он.

— Успеху армады! — заявил Филипп. — Пусть она воздаст этому безбожному отступническому народу по заслугам!

— Успеху армады, — эхом отозвались остальные.

Священник принялся раскладывать богослужебную утварь: глиняную чашку, которой предстояло исполнять роль потира, деревянное блюдечко вместо патены, грубый шарф вместо столы.

— Помолимся, — произнес он. — О Всевышний, со скорбью зришь Ты на святотатство и безбожие, в которых погряз народ Англии, некогда преданный слуга твой, а ныне отступник. Как в незапамятные времена, когда народы ступали на неверный путь поклонения ложным богам, Ты обрушивал на них гнев свой, так ныне послал Ты сына своего, короля Филиппа Испанского, ревностного поборника истинной веры, покарать их. Как не было пощады амореям, филистимлянам или канаанитам, так не может быть пощады этим отщепенцам. Если и мы погибнем вместе с ними, так тому и быть. Взгляни, что раб твой Филипп, граф Арундел, высек на стене этой темницы. Узри слова эти: «*Quanto plus afflictionis pro Christo in hoc saeculo, tanto plus gloriae cum Christo in futuro*» — «Чем больше страданий претерпеваем мы за Христа в этом мире, тем большая слава ждет нас в мире ином со Христом». И мы знаем, о Господь, воистину так.

— Воистину так... воистину так... воистину так, — подхватили Филипп и его сокамерники. — О армада, прибуди же без промедления и спаси Англию! Благослови Бог всех ее верных сынов, что ныне пребывают в изгнании, готовясь сражаться за спасение своей родины!

Их воодушевленные крики эхом зазвучали в сыром каменном мешке.

4

ЕЛИЗАВЕТА

Май 1588

Кнут взвился и со свистом вспорол воздух, метя по спине жертвы.

Конюх проворно нырнул в кусты и пополз прочь, и кнут, щелкнув, ободрал листву с ветви над самой его головой. Вслед ему понеслась тирада на испанском языке, сообщавшая, что он ничемный бездельник. Лицо его преследователя, взмокшее от усердия, обратилось на меня.

— Ваше величество, — произнес тот, — почему вы удерживаете мой кнут?

Это лицо я надеялась никогда больше не увидеть — лицо дона Бернардино де Мендосы, испанского посланника, которого четыре года тому назад я выслала из Англии за шпионаж. Он двинулся на меня, поигрывая кнутом.

Я подскочила в постели. Казалось, я все еще чувствую запах сыромятной кожи, оставшийся в воздухе в том месте, где его рассек кнут. А ухмылка на лице Мендосы, эти его зубы, словно выточенные из желтоватой слоновой кости... холодный оскал заставил меня содрогнуться.

Это всего лишь сон. Я тряхнула головой, чтобы прогнать его остатки. Я постоянно думаю об испанцах, вот и все. Но... разве Мендоса не оставил мне на память свой кнут? Или мы просто нашли его в покоях посланника, когда тот в спешке покинул Лондон? Он до сих пор лежит где-то у меня — размером поменьше, чем во сне, пригодный исключительно для подхлестывания коней, а не порки конюхов. Испанская кожа славится прочностью и мягкой выделкой. Наверное, именно поэтому у него и не выбросила.

Еще не рассвело. Вставать слишком рано. Я решила, что помолюсь наедине с собой в постели. Без сомнения, ревностные католики — в Англии тайком, в Европе в открытую — уже подоспели к утренней мессе. Кое-кто из протестантов тоже, вероятно, уже поднялся и занялся изучением Священного Писания. Я же, их невольная номинальная глава, буду говорить с Господом в одиночестве.

Мне, Елизавете Тюдор, вот уже тридцать лет как королеве Английской, по рождению выпала роль защитницы протестантской веры. Злые языки утверждали: «Генрих Восьмой порвал с папой и основал свою церковь только ради того, чтобы добиться Анны Болейн». Мой отец дал им основание так говорить своим легкомысленным заявлением: «Если папа отлучит меня от церкви, я объявлю его еретиком и поступлю по-своему». Так королевская совесть стала предметом насмешек. Однако вследствие этого возникла необходимость принять протестантизм, и на этой почве выросла национальная церковь, у которой теперь были свой характер, свои мученики и свое богословие. В глазах старой католической церкви я незаконнорожденная узурпаторша королевской власти; таким образом, я могу с полным правом утверждать, что обстоятельства моего появления на свет сделали протестантизм для меня неизбежным.

Почему Англия, бедная страна, должна вечно субсидировать французов, голландцев, шотландцев и иметь дело с Испанией, этим голиафом католицизма? Зубы Господни, мало мне было защищать и править собственным королевством? Эта роль, как губка высосав все наши ресурсы, медленно, но верно вела нас к разорению. Быть солдатом Господа — дорого, я вполне обошлась бы без этих расходов.

Солдат. Господь, должно быть, смеялся, вручая мне свое знамя, когда весь мир знал — ну или считал, будто знает, — что женщина не способна повести войска в бой.

Мендоса... Его лицо по-прежнему стояло у меня перед глазами, словно сон прилип к черепу изнутри. Его черные пытливые глаза и змеиное тонкое лицо, его лоснящаяся кожа и редующие волосы — если он и не был злодеем, то выглядел таковым. Здесь, в Англии, он интриговал и шпионил, пока не был разоблачен и выслан. Последние его слова после того, как он ступил на борт корабля, были: «Передайте вашей хозяйке, что Бернардино де Мендоса рожден не докучать королевствам, а их завоевывать». С тех пор он обосновался

в Париже в качестве посланника короля Филиппа и плел там паутину шпионажа и интриг, которая опутала всю Европу.

Впрочем, наш местный шпионских дел мастер сэр Фрэнсис Уолсингем ему достойный противник. У Мендосы сотни осведомителей? У Уолсингема по меньшей мере пятьсот, даже в самом Константинополе. Испанец ревностный, даже фанатичный католик? Уолсингем — столько же рьяный приверженец протестантизма. Начисто лишен моральных принципов? Девиз Уолсингема: «Знание не бывает слишком дорого», и он готов был платить не скупясь. Оба считали, что ведут духовную битву, а не политическую войну.

И великая схватка, давно откладываемый Армагеддон между Англией и Испанией, была неизбежна. Я сделала все, что было в моих силах, чтобы уклониться от нее.

Не было ни такой низости, ни такой подлости, к какой я не готова была бы прибегнуть: я вела переговоры о замужестве, хитрила, изворачивалась, откровенно лгала, как в тот раз, когда убедила Филиппа, что исповедую протестантизм исключительно в силу политической необходимости, а не по убеждению, — я не гнушалась ничем, лишь бы выиграть время, лишь бы мы успели подготовиться и выдержать удар, когда он будет наконец нанесен. Но у меня закончились отговорки, а у Филиппа терпение — да, даже у него, у человека, про которого говорили: «Если бы смерть шла из Испании, мы все жили бы очень долго».

Наконец-то рассвело. Теперь я могу встать.

Мой астролог Джон Ди очень верит снам и знамениям. На сей раз он оказался прав. Не успела я одеться, как мне доложили, что Уильям Сесил, лорд Бёрли, мой государственный секретарь, желает видеть меня по неотложному делу.

Очевидно, дело было и впрямь неотложное. Сесил знал, что я не принимаю раньше полудня.

Я приветствовала его, страшась новостей. Он был мне дорог; если кто-то должен принести дурные вести, пусть это будет он.

— Прощу простить меня, ваше величество, — проговорил Сесил, кланяясь настолько низко, насколько позволял его ревматизм, — но вы непременно должны это увидеть. Это от Филиппа.

Он сунул мне в руку свиток.

— Адресовано мне? Как предупредительно с его стороны!

Я сжала свиток в пальцах, ощущая важность даже в самой его увесистости.

— Едва ли, ваше величество.

— Но он не пожалел лучшего пергамента.

Бёрли не улыбнулся.

— Хотела блеснуть остроумием, — пояснила я. — Неужто мое чувство юмора мне изменило?

Он изогнул губы, изображая улыбку:

— Нет, ваше величество. Я поражен вашей способностью видеть забавное даже в подобных вещах. — Он взял у меня из руки свиток. — Таких там сотни, набитых в трюмы кораблей армады. Семена зла, готовые засеять Англию.

— В отличие от одуванчикового пуха, что летает сам по себе по воле ветра, их не посеют, если испанские сапоги не ступят на английскую землю. А они на нее не ступят.

— Агентам Уолсингема удалось выкрасть этот свиток, а также копию письма, составленного одним из советников короля Филиппа. Я почти готов поверить, что нет ничего, что этот человек не мог бы раздобыть или разузнать.

Я взяла письмо. Оно, разумеется, было на испанском, но для меня это не преграда. Впрочем, читая, я едва не пожалела, что понимаю его. Это был тщательно продуманный меморандум и рекомендации испанскому королю относительно его действий после того, как испанцы завоюют Англию. Меня следовало взять живой и передать в руки папы.

— Даже не сомневаюсь в части распоряжения его святейшества. В булле говорится, что... — я пошевелила пальцами, сделав Бёрли знак вернуть мне пергамент, и нашла в тексте нужное место, — ...мои деяния и изъяны таковы, что «одни делают ее неспособной править, а другие — недостойной жить». Он объявит о лишении меня всей власти и королевского достоинства, тем самым провозглашая мое правление незаконным, и избавит моих подданных от подчинения мне. Посему его святейшество — бывший Великий инквизитор Венеции — намерен отправить меня на костер.

Я поежилась. Это было не смешно. Далее его святейшество приказывал всем объединить усилия с «католической армией» герцога Пармского и «короля католиков», то есть Филиппа II Испанского. В заключение он обещал полную индульгенцию всем, кто поможет меня свергнуть.

Под конец я все-таки засмеялась. Именно из-за беззастенчивой торговли индульгенциями Мартин Лютер поднял восстание против католической церкви.

— Индульгенции! Вот чего по-прежнему хочет мир! Не очень-то они изобретательны в поиске новых способов поощрения. — Я швырнула буллу на пол.

— Он также предложил испанцам миллион дукатов за вторжение в Англию.

Я ушам своим не поверила:

— Он объявил за нас награду?

Бёрли пренебрежительно вскинул голову:

— Крестьянский папа, как он любит себя именовать, не так-то прост. Деньги будут выплачены только после того, как испанцы ступят на нашу землю. Никаких авансов.

— Значит, он в любом случае внакладе не останется. — (Старый стервятник. Он надеется сделать из Англии труп, который сможет расклевать? Не бывает этому!) — Пошлите за секретарем Уолсингемом и графом Лестером. Нам надо обсудить положение дел до общего собрания Тайного совета. Вы трое — движущая сила правительства.

Бёрли покачал головой, на что я возразила:

— Давайте без ложной скромности. Вы же знаете, что это так. Вы — мой дух, Лестер — мои глаза, а Уолсингем — мой бдительный мавр. Жду вас троих после обеда.

Я поднялась, давая понять, что разговор окончен. Изобличающие бумаги я аккуратно сложила в шкатулку для писем и заперла ее на ключ.

Подошло время обеда. Обыкновенно я ела в маленькой гостиной в обществе нескольких дам из своего ближайшего окружения, хотя в Главном зале всегда был накрыт пышный стол: там трапезничали придворные не из самых знатных и домашняя прислуга, мое же место пустовало. У меня мелькнула мысль, не стоит ли показаться сегодня на людях: в последний раз я делала это пару недель назад. Но я решила, что не стану. Не хотелось, чтобы все на меня смотрели. Папская булла и призыв к оружию выбили меня из колеи сильнее, чем я готова была признать.

— Мы все вместе поедим здесь, — сказала я своим придворным дамам.

Из них ближе всего мне были три: Кэтрин Кэри, моя двоюродная племянница; Марджори Норрис, подруга моих детских лет, и Бланш Пэрри, моя старая кормилица.

— Откройте окна, — попросила я Кэтрин.

День был ясный и погожий, из тех, когда в воздухе танцуют бабочки. Иной май — всего лишь зеленая зима, этот же выдался теплым и благоуханным. Как только окна приоткрыли, в гостиную ворвался внешний мир.

Посреди комнаты был накрыт маленький стол, где мы могли поесть без лишних церемоний, если не считать слуги, обязанного снимать пробу с каждой моей трапезы.

Аппетита у меня не было, его отбила папская булла. Впрочем, я всегда отличалась умеренностью в еде, так что моя тарелка, оставшаяся почти нетронутой, не привлекла ничего внимания.

Марджори, дородная уроженка Оксфордшира, всегда ела от души. Вот и сейчас она налегла на внушительную порцию свиного рагу, запивая ее элем. Кэтрин, маленькая и пухленькая, обыкновенно клевала как птичка, так что для меня всю жизнь было загадкой, как она умудряется оставаться такой круглолицей. Марджори была лет на пятнадцать меня старше, Кэтрин — на пятнадцать же моложе. Старой Бланш Пэрри стукнуло восемьдесят. В последнее время она почти совсем ослепла и вынуждена была уступить свою должность хранительницы драгоценностей короны более молодой Кэтрин. Сейчас она сидела за столом и ела исключительно по привычке и на ощупь, глядя в пустоту перед собой бельмами глаз.

Поддавшись внезапному порыву, я наклонилась и похлопала ее по руке — старая кормилица вздрогнула от неожиданности.

— Я не хотела тебя напугать, — сказала я.

Однако прикосновение к пергаменту ее руки успокоило меня.

— И не стыдно же вам так пугать старуху! — укорила она.

— Бланш, ты вовсе не старуха.

— Если восемьдесят не старость, когда же она начинается?

— На несколько лет позже, чем в возрасте присутствующих, — отвечала я. — Лет в девяносто.

Был ли при моем дворе кто-то за девяносто? Я таких не припоминала. Значит, можно было назвать эту цифру с чистой совестью.

— Ну, миледи, находятся и такие, кто считает старой вас! — язвительно заметила кормилица.

— Вздор! — отрезала я. — С каких пор пятьдесят пять — это старость?

— С тех пор как вы достигли этого возраста, он перестал быть таковым, — вставила Кэтрин.

— Пожалуй, мне стоило бы назначить вас послом в какую-нибудь державу, — заметила я. — Какая дипломатичность! Но, дорогая кузина, мне невыносима одна мысль о том, чтобы расстаться с вами. И потом, разве вы хотели бы жить среди французов или датчан?

— Французы знают толк в моде, а датчане — в выпечке, — поддала голос Марджори. — Неплохой выбор.

Я едва ее слушала.

— Армада готова отправиться в плавание, — вырвалось у меня. — Вскоре она будет у наших берегов.

Марджори с Кэтрин отложили ложки, лица обеих застыли.

— Так я и знала! — заявила Бланш. — Я этого ожидала, и уже давно. Я же вам говорила! Как король Артур.

— О чем вы? — спросила Марджори. — Опять ваши валлийские рассказы? Только не несите вздор, будто вам было видение.

Бланш распрямилась:

— Я просто знала, что наследие короля Артура рано или поздно вернется. Он пращур королевы. Мы все это знаем. Мой кузен доктор Ди доказал это. Артур оставил незавершенное дело. Последнюю битву. Величайшее испытание Англии на прочность.

— Король Артур тут совершенно ни при чем, — сказала Кэтрин. — Астрологи давным-давно предсказали, что одна тысяча пятьсот восемьдесят восьмой станет годом великих свершений. Ди лишь подтвердил это.

— Предсказание, которое сделал сотню лет назад Региомонтан, гласит, что тысяча пятьсот восемьдесят восьмой станет годом неслыханных бедствий для всего мира, — отозвалась Бланш спокойно. — «Империи падут, и во всех краях будет стоять плач и крик» — вот как там было сказано.

— Да, но что это за империи? — возразила я. — Разве Дельфийский оракул не предрек лидийскому царю Крезу, что если тот пойдет войной на Персию, то падет великое царство? А царство оказалось Лидийское, а вовсе не Персидское.

— В этом году должно случиться три затмения, — сказала Бланш, которая явно не собиралась сдаваться. — Одно солнечное и два лунных. Солнечное уже было, в феврале.

— Пусть наступают, — пожала плечами я.

Можно подумать, я как-то могу их предотвратить.

Мне нужно было остаться одной. Даже моя верная троица не утешила меня. После обеда я вышла в Королевский сад. Уайтхолл, огромный, раскинувшийся во все стороны дворец, из особняка на берегу реки разросся практически в город с настоящей улицей, которая проходила через него, и двумя воротами. Учитывая количество площадок для рыцарских состязаний, арен для петушиных боев, теннисных кортов и лужаек с фазанами, отыскать уединенное место было задачей непростой. Но садик, притулившийся между каменными стенами других зданий, надежно укрыл меня от любопытных взглядов.

Травянистые дорожки, окаймленные невысокими перилами в бело-зеленую полоску, крест-накрест пересекали лужайку, образуя геометрические узоры. Все аккуратное и строго в своих границах. Смерть Господня, если бы только в мире все было устроено так же! Если бы только Испания оставалась в своих границах! У меня то никогда никаких территориальных притязаний не было. В отличие от моего отца с его тщеславными попытками воевать за границей, я всегда довольствовалась пределами своих владений. Говорят, это все потому, что я женщина. Но на самом деле потому, что у меня есть голова на плечах. Война — это бездонная яма, в которую без счета улетают деньги и человеческие жизни.

Дорожка уперлась в стену и резко свернула в сторону. В углу возвышался раскрашенный деревянный столб, увенчанный резным геральдическим зверем с развевающимся штандартом в когтистых лапах. То был красный валлийский дракон: пасть широко разверста, крылья расправлены, когти крепко вцепились в дерево. Тюдоры — валлийский род, ведущий происхождение предположительно от короля Кадваладера. Бланш в детстве все уши мне прожужжала про Уэльс и даже научила тамошнему языку. Но я никогда там не бывала. Только и оставалось, что смотреть на резного деревянного дракона. Когда-нибудь, в один прекрасный день...

Но не сегодня. Сейчас мне следовало беспокоиться о выживании Англии, в том числе и Уэльса.

Одно я знала твердо: против испанской армии нам не выстоять. Это была самая совершенная боевая сила в мире. А у нас не имелось вообще никакой армии, только вооруженное народное ополчение да немногочисленные наемники, с бору по сосенке собранные за счет средств богатых жертвователей.

Ни в коем случае нельзя было позволить испанцам высадиться на сушу. А это значило, что дать им бой придется на море. Кораблям, а не солдатам предстоит защитить и спасти нас.

Передо мной стояли три самых могущественных человека в королевстве — Уильям Сесил, лорд Бёрли, лорд-казначей; сэр Фрэнсис Уолсингем, первый секретарь и глава тайной службы; Роберт Дадли, граф Лестер, еще совсем недавно верховный главнокомандующий английскими войсками, отправленными на подмогу протестантским повстанцам, которые боролись за освобождение от испанского владычества — на английские деньги, разумеется.

Заседание обещало быть долгим.

— Прошу, садитесь, — сказала я им, сама же осталась стоять.

За спиной у меня располагалась внушительная, во всю стену, фреска кисти Гольбейна, на которой были изображены мои отец и дед. Отец занимал весь передний план, так что его собственный родитель рядом с ним, казалось, прятался в тени. Я стояла прямо перед отцом. Черпала ли я в нем силу или пыталась заявить, что теперь главенствующее положение в королевстве занимаю я?

Вместо того чтобы повиноваться, Роберт Дадли сделал шаг вперед и протянул мне полураспустившуюся лилию на длинном стебле.

— Беспорочная лилия для беспорочной лилии, — с поклоном произнес он.

Бёрли и Уолсингем со страдальческим видом покачали головой.

— Спасибо, Роберт, — сказала я, но вместо того, чтобы послать за вазой, демонстративно положила цветок на стол, где он должен был быстро увянуть. — А теперь можете садиться.

— Полагаю, все ознакомились с буллой об отлучении и низложении Елизаветы? — заговорил Бёрли. — Если нет, у меня при себе имеются списки.

Я стиснула зубы. Подумать только!

— Ступни Господни! Эти испанцы будут донимать меня даже из ада?

— Ваше величество, ничего нового в этом нет, — презрительно фыркнул Уолсингем. — Разве что формулировки слегка изменились по сравнению с первыми двумя — той, что в тысяча пятьсот семидесятом году издал Пий Пятый, и следующей за ней, восьмидесятого года, которую издал Григорий Тринадцатый. Новый папа, новая булла.

— Загвоздка в том, какой груз они везут, — сказал Бёрли. — Это отвратительно.

— Для них это нечто вроде Крестового похода, — пожал плечами Уолсингем. — Все их корабли именуются в честь какого-нибудь

святого или ангела. Штандарт флагманского корабля, на котором вышиты Святая Дева и распятие, был освящен архиепископом Лиссабонским. Отчего бы в трюмах не находиться свиткам с буллами? Да, кстати, это вам понравится. У меня есть перечень их паролей. В воскресенье это «Иисус», в понедельник «Святой Дух», во вторник «Пресвятая Троица», в среду «святой Иаков», в четверг «ангелы», в пятницу «все святые», а в субботу «Богородица».

— Зная ребят вроде Дрейка или Хокинса, я даже думать не хочу, какие пароли у нас, — коротко хохотнул Лестер.

— Ах да, а еще все на борту исповедовались и получили отпущение грехов, о чем имеют при себе соответствующую грамоту, — добавил Уолсингем.

Он не переставал меня изумлять. Где он раздобыл такие сведения?

— Вы, должно быть, подкупили священника, иначе откуда все эти подробности? — сказала я.

Его молчание подтвердило мою догадку красноречивее всяких слов.

— И да, здесь, в Англии, и даже в самом Лондоне, есть те, кто молится за успех этого предприятия, — наконец произнес он.

— Если вы так говорите, вам наверняка известны их имена, — заметила я. — Выкладывайте.

Кого угодно другого эта просьба поставила бы в затруднительное положение, но я знала, что у него на руках все факты. Мне просто хотелось тоже ими располагать.

— Филипп Говард, граф Арундел, — сказал он. — Даже будучи заточен в Тауэр, он умудрился заручиться поддержкой сторонников и найти священника, который отслужил мессу за успех армады и за англичан, что находятся на борту испанских кораблей. И да, я располагаю именами всех, кто при этом присутствовал.

— Англичане на борту испанских кораблей! — возмутился Лестер. — Какой позор!

— Люцифер с сонмом его присных проникли повсюду, — пожал плечами Уолсингем. — К тому же Арундел — крестник Филиппа Испанского. Чего вы ожидали?

— Когда армада вышла в море? — спросил Бёрли. — Она ведь уже вышла?

— Она еще в Лиссабоне. Мои осведомители говорят, что в ней около ста пятидесяти кораблей. Разумеется, не все военные. Среди них множество торговых и вспомогательных.

— Это будет самый большой в истории флот, вышедший в море. Если, конечно, ему удастся выйти. Смерть командующего два месяца назад, — Лестер с притворной скорбью перекрестился, — отбросила их назад. Санта-Крус знал толк в своем деле. Его преемник, этот Медина-Сидония, ничего не знает и не умеет. Он даже страдает от морской болезни! Хорошенький адмирал, нечего сказать!

— То, что восемь лет назад им удалось прибрать к рукам Португалию вместе со всеми кораблями в порту Лиссабона, стало величайшим подарком судьбы для них и величайшим несчастьем для нас, — заметил Бёрли. — Просто удивительно, что они так долго собирались. Разумеется, они надеялись, что кто-нибудь очень кстати для них посадит на трон Марию Шотландскую и сделает Англию католической, а им не придется даже пальцем пошевелить.

— Тем, что этому был положен конец, мы обязаны вам, — сказала я Уолсингему.

Его мрачные черты на мгновение смягчились. У него всегда был такой суровый вид, у моего шпионских дел мастера. Даже одержав победу, он не мог торжествовать.

— Она сама положила всему конец, — коротко кивнул он в ответ. — Я лишь разоблачил ее козни и интриги.

— Сегодня Англия остается величайшей угрозой торжеству Контрреформации. Во всех остальных землях Рим обратил эту волну вспять и начал наступление на протестантские завоевания, отыгрывая территории. Мы же остаемся единственной страной, где те, кто отвергает власть Рима, могут быть в безопасности и добиться чего-то в жизни. Поэтому они хотят уничтожить нас. Это вопрос религиозный, но в то же самое время и политический, — сказал Бёрли.

— А разве есть разница? — отозвался Лестер.

— Сколько, по-вашему, осталось времени до нападения? — спросила я Уолсингема. — Сколько у нас времени на подготовку?

— Они могут выйти в море со дня на день, — отвечал тот.

— Мы всю зиму приводили в порядок маяки и чинили прибрежные укрепления, — сказал Бёрли.

— Но нам всем прекрасно известно — а тут мы с вами можем говорить друг с другом без обиняков, — что у нас практически нет замков, способных выдержать натиск испанской осадной артиллерии, — заявила я. — Высадятся они, скорее всего, в Кенте, прямо напротив Фландрии. Кент — равнинная земля, преодолеть ее проще простого. У нас недостаточно оружия, а то, что есть, устарело. К тому же во всем этом деле имеется один большой вопрос: как по-

Джордж М.
Д 42 **Елизавета I** : роман / Маргарет Джордж ; пер. с англ. И. Териной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 800 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-25738-2

Это история двух женщин, наделенных блестящим умом и одержимых неистовыми желаниями. Одна пытается защитить свою страну и трон, другая — вернуть власть и положение своей семье. Елизавета Тюдор — противоречивая и притягательная королева-девственница, окруженная пылкими поклонниками; победительница испанской армады, ненавидевшая войну; усыпанная драгоценностями монархиня, у которой не было ни гроша. Летиция Ноллис — огненно-рыжая племянница королевы, похожая на нее как две капли воды, только моложе, ее соперница в любви к Роберту Дадли, мать графа Эссекса, бросившего вызов трону. В драматическое противостояние вовлечены все, кто близок к Елизавете, от знаменитых вельмож, обогативших корону, до легендарных поэтов и драматургов. Портреты личностей, сделавших Елизаветинскую эпоху великой, — Шекспира, Марло, Дадли, Рэли, Дрейка — дают незабываемое представление о королеве, которая правила как разумом, так и сердцем.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

МАРГАРЕТ ДЖОРДЖ
ЕЛИЗАВЕТА I

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Ольга Дервенева
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.11.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 49. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABB-34712-01-R